

Рыцарь смеха

70 лет назад умер Саша Черный

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

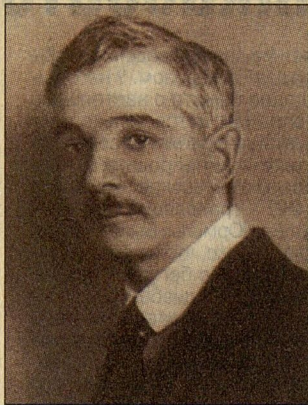
Кто бы мог подумать, что в начале XXI века в поэзии возобладает линия Саши Черного. К его корням восходят все современные иронисты: Александр Еременко, Игорь Иртеньев, Тимур Кибиров, Бахыт Кенжеев и множество других имен. Сам Саша Черный, конечно же, продолжатель иронической традиции Козьмы Пруtkова. Пик его славы — работа в журнале «Сатирикон», 1908–1910 годы. Удивительное время недолгого расцвета свободы слова при полном отсутствии всех остальных свобод. Надо ли удивляться, что ирония и сатира стали самыми любимыми жанрами, основательно потеснившими в поэзии лирику и высокий романтизм. «Устала, вскрывала студента. Труп был жирным и дряблым», — сие признание медички во время свидания с филологом отнюдь не способствовало любви. Эта медичка и есть муза Саши Черного, российского Гейне начала XX века. «Дама, качаясь на ветке, пикала: «Милые детки»...». Это тоже его муза. И, наконец: «Пришла проблема пола, румяная фефела», — вот три грации, вручившие Саше Черному поэтический приз.

Сам сатирик весьма тяготился такой ситуацией и даже бросил работу в «Сатириконе». Он написал бесчисленное множество грустных, лирических, меланхолических текстов, но все запомнили трех теток: медичку, фефелу и дородную даму.

Он любил жаловаться на тяжелое детство, безрадостную юность и гимназическую муштру. В то время все жаловались, ныли и едко иронизировали. Тон задал Чехов, а дальше все шло только по нарастающей.

В 1920 году мудрый иронист стремительно эмигрировал и в эмиграции окончательно заскучал. Ему оставалось еще двенадцать лет жизни. Он умер от сердечного приступа на своей даче на юге Франции. Дачу удалось построить на деньги, вырученные за именное издание с автографом тиражом в 200 экземпляров. Раскупили задорого, значит, в эмиграции его ценили, помнили и любили. На могиле эпитафия из Пушкина: «Жил на свете рыцарь бедный». Это так не похоже на его сатирическую поэзию.

Прожив 52 года, Саша Черный так и не нашел для себя чего-то самого главного. Он хотел быть детским писателем, прозаиком, популяризатором Библии. Его удивляло, что в Евангелии нет природы. Сам Саша Черный природу очень любил, но все это за пределами главных текстов.

Настоящее имя —
Александр Гликберг.

По гамбургскому счету его поэзия — это перчатка здравого смысла, брошенная в лицо романтике. В стихотворении «Весна мертвецов» повторяется «Бобок» Достоевского, когда умершие встают из могил для веселья. «Вот вылезли скелеты // Из тесных скользких ям, // Белеют туалеты // Мужчин и рядом — дам. // «Мадам! Плохое дело... // Осмелюсь вам открыть: // Увы, истлело тело — // И нечем мне любить». Так он мыслит в 30 лет в 1910 году. Что же стало с ним после ужасов войны и революции, лишившей его родины. «Я никогда не вернусь! Моя Россия погибла», — сказал он однажды и был абсолютно прав. А как он смеялся над этой Россией в 1910 году, не подозревая, что жить ей оставалось всего-то семь лет.

В жизни Саша Черный предстает абсолютно уравновешенным, застегнутым на все пуговицы таинственным господином. Иное дело в стихах, которые помнят до сих пор. Лично мне больше всего нравится его «Экзамен». «Пришел, навстречу грозный голос Любы: // «Когда Лойола орден основал?» // А я в ответ ее жестоко в губы // Жестоко в губы вдруг поцеловал. // Так два часа экзамен продолжался. // Я получил ужаснейший разнос! // Но, расставаясь с ней, не удержался // И вновь поцеловал ее в засос». Лермонтов с горечью восклицал, что жизнь такая нелепая, глупая шутка. Саша Черный эту шутку подхватил и, пока мог, шутил в унисон с этой жизнью. Шутил даже не в унисон — в резонанс. Резонанс и стал пиком славы. Еехватило на всю оставшуюся жизнь и даже на литературное бессмертие. Если жизнь — это шутка Бога, то Саше Черному удалось ее перешутить.

«Кто же так жестоко смеется над человеком?» — спрашивал герой Достоевского. Саша Черный не хотел быть смешным, и потому смеялся сам.